

Чжоу Фэй сама точно не знала, почему. С самого начала у нее не было никаких четких планов. Когда она сначала осталась на горной тропе, чтобы задержать Лорда Лазурного Дракона, ей удалось сбежать прямо у него из-под носа, прибегнув к хитрости. Она очень хорошо знала, что ей не сравниться с ним, и даже перепробовала все способы и средства, чтобы избежать прямой конфронтации с этим чудовищным дьяволом.

Она предположила, что ее решимость убить Чжэн Луошэна по-настоящему окрепла только после того, как она услышала его ужасные оскорбления в коридоре.

Одни только его злодеяния на самом деле не вызвали бы большой реакции со стороны Чжоу Фэй – так много людей, с которыми она сталкивалась в этом путешествии до сих пор, подчеркивали ей, насколько ужасны люди горы Живых Мертвецов, что она была бы только удивлена, если бы они сделали что-то хорошее для разнообразия. Но чего она не могла вынести, так это того, что они могли быть настолько беззастенчиво, весело порочными.

Громче всех кричали всегда самые презренные люди. Какое право имели эти гнилые парни расхаживать целыми и невредимыми, откровенно хвастаясь своими грехами десятилетней давности без малейших признаков раскаяния? В то время как иссохшие кости хороших людей превратились в простые трофеи, которые они могли выставлять напоказ?

Разве они не осмелились сделать это только потому, что их злодеяния много раз оставались безнаказанными? Разве это не произошло только потому, что так много хороших людей хранили молчание, даже несмотря на то, что они были в ярости, раз за разом?

Дело было не в том, что Чжоу Фэй жалела Цзи Юньчэня. Даже сейчас, узнав всю правду о его затруднительном положении, она всё ещё чувствовала, что кто-то, кто был в таком жалком состоянии, должен быть виноват в этом, по крайней мере, частично. Она знала лишь, что если бы не согласилась помочь ему тогда, то была бы крайне разочарована собой.

Разве даже такая беззащитная молодая девушка, как У Чучу, не сделала подобный выбор? Должно быть, ей было очевидно, что даже Чжоу Фэй и Хуа Чжэнлун, вместе взятые, не могли сравниться с Чжэн Луошэном. Если эта хрупкая юная девушка была достаточно смелой, чтобы остаться ради своих друзей, как мог человек, владеющий оружием, быть настолько трусливым, чтобы подумать о бегстве?

Чжоу Фэй всё ещё размышляла над тем, как ей следует объяснить всё это У Чучу, когда она подняла глаза и поняла, что Се Юнь уже приготовил экипаж и стоял там, как будто тоже ожидая ее ответа. Увидев, что ее взгляд переместился на него, Се Юнь немедленно отвел глаза, глядя на небо, землю и куда угодно, кроме нее, с вызывающим выражением на лице: «Не-не-не-не, я не собираюсь слушать, я просто не собираюсь».

Все эти мысли, пронесшиеся в голове Чжоу Фэй, были мгновенно подавлены этим детским проявлением. В гневе она просто выпалила пять коротких слов: «Потому что я так хотела!»

У Чучу: «...»

Разрешится ли эта нелепая вражда до того, как они вернутся в 48 крепостей?!

В городе Хэнъян существовало местное правительство и даже контингент войск, дислоцированный поблизости. Это выглядело гораздо приличнее, чем там, откуда они пришли, - по крайней мере, они не рисковали быть ограбленными среди бела дня.

К вечеру принц Дуань, как и обещал, привез двух юных девушек в город. Се Юнь явно был опытным путешественником. Он был довольно искусен в управлении экипажем, ведя его уверенно и плавно, почти без неправильных поворотов или объездов, что делало путешествие довольно приятным. Здесь только что прошел сильный дождь, из-за чего дороги были немного ухабистыми. Магазины и ларьки вдоль дороги были похожи на кустарники, выросшие среди горных скал, для выживания которых требовались лишь малейшие трещины. В здешней гостинице также располагался бар, который нанимал народных артистов для выступлений в надежде привлечь больше клиентов.

Сегодня выступали дуэт мужа и жены средних лет. Муж был слеп, в то время как жена пела сладким, чистым голосом. Они исполняли китайскую оперу «Башня Угасающей Скорби» ни кого иного, как самого господина Се, известного как «Тысяча лет страданий». Пропев ее один раз, жена обошла зал с подносом в руке. Она не просила денег так, чтобы это могло разозлить покупателей, просто отвешивала скромный поклон любому, кто клал на поднос несколько монет.

Се Юнь положил на поднос медную монету. Чжоу Фэй поймала взгляд на лице этой женщины, когда она остановилась перед ними, и пригляделась повнимательней. Половина ее лица была закрыта грубой на вид вуалью, которая была несколько прозрачной, достаточно, чтобы разглядеть неровные, бугристые шрамы под ней. Чтобы не показаться невежливой, Чжоу Фэй поскорее отвела взгляд, испустив внутренний вздох жалости - женщина была стройной, с тонкими чертами лица и должна была считаться красивой.

Только когда женщина повернулась и пошла дальше, У Чучу тихо сказала: «Она...»

«Это от ожога, - бесстрастно ответил Се Юнь, как будто он привык видеть подобные вещи. - Ничего страшного - она, наверное, сделала это сама с собой. На улице трудно зарабатывать на жизнь, особенно женщинам. Им нужно найти какой-то способ обезопасить себя, а от красивого лица все равно мало толку. Давайте, ешьте скорее и пораньше ложитесь спать. Из-за всей этой беготни в борьбе за наши жизни, которой мы занимались в последнее время, у вас давно не было хорошего ночного отдыха».

В тот вечер пара выступала до самого позднего вечера. Даже после того, как Чжоу Фэй и компания удалились в свои комнаты, с первого этажа все еще доносились слабые звуки пения. Однако, казалось, они мало что могли почерпнуть за свои усилия. «Башня Угасающей Скорби» была популярна слишком долго, и зрители немного устали от нее. Большинство людей в гостинице, казалось, были глухи к их пению и в равной степени слепы к протянутому подносу женщины.

Чжоу Фэй умылась и приготовилась ко сну, но, хотя она должна была быть измотана, она не могла заснуть, как бы сильно ни старалась. Поэтому она оставила попытки и вместо этого села, скрестив ноги, на своей кровати, практикуясь и совершенствуя Снежную Саблю в своем обычном медитативном состоянии, как одержимая. Как раз в тот момент, когда она плавно выполнила все девять движений Снежной Сабли один раз и почувствовала, что немного продвинулась в технике, она вдруг услышала скрип из соседней комнаты. Се Юнь покидал свои покои.

Независимо от того, насколько зла или расстроена была Чжоу Фэй, всё это постепенно утихало, как только она погружалась в свой собственный мир, подобный этому. До тех пор, пока это не было какой-то горькой обидой или большой враждой, это обычно проходило так же быстро, как и приходило.

Снежная Сабля действительно была техникой, достойной грандмастера: еще до того, как луна полностью взошла, ей уже удалось превратить ее из юной девочки в разумного взрослого.

Эта «разумная взрослая» встала и немного прошлась по своей комнате, размышляя о своих действиях. Она решила, что на самом деле было довольно забавно видеть, как Се Юнь ведет себя столь по-детски, и было довольно нелепо с ее стороны делать то же самое. Вероятно, это была вина проклятого твердокаменного блина, что она стала такой раздражительной.

Чжоу Фэй выглянула вниз. Там всё ещё было несколько посетителей, хотя официант начал широко зевать. Он принес маленькую фляжку мутного рисового вина для Се Юня, затем начал без особого энтузиазма вытирать окружающие столы. Дуэт мужа и жены сидел на сцене и выглядел довольно одиноко. Голос женщины к этому времени стал хриплым, в то время как слепой продолжал перебирать слегка влажные струны цитры. Звуки цитры эхом разносились по пустому залу, придавая им оттенок меланхоличного величия.

Се Юнь каким-то образом раздобыл маленькую масляную лампу, которую он использовал, чтобы осветить старую кисть и бумаги, лежавшие на столе перед ним. Некоторое время он что-то строчил, потом смотрел вдаль, словно погружившись в свои мысли, и время от времени подносил к губам чашу с мутным вином, чтобы сделать глоток. Сидя там в своей скромной зеленой мантии, он выглядел немного печальным, почти подавленным.

Чжоу Фэй на цыпочках подошла к нему. Увидев, что он сочиняет новый текст к прерывистой мелодии цитры, она села рядом с ним, чтобы посмотреть, подперев подбородок руками. Первая часть стиха была закрыта пресс-папье, поэтому Чжоу Фэй могла разобрать только предложение: «...но старые камни у моста были покрыты инеем, и он уехал далеко, чтобы никогда не вернуться».

Кисть Се Юня остановилась на странице. Он взглянул на нее, затем снова опустил глаза, чтобы продолжить писать.

Чжоу Фэй потянулась за пустой чашкой, стоявшей на столе, и налила себе немного рисового вина из фляжки Се Юня, не спрашивая. Она допила его в несколько глотков и облизнула губы.

Это вино было таким мягким, что она почти не ощутила вкус. Затем она протянула два пальца и сжала основание кисти Се Юня.

Эта старая кисть замерла в воздухе. Она зависла над страницей, капля чернил скатилась с ее кончика на бумагу. Но рефлексы Чжоу Фэй были быстрее, чем сила тяжести, и она мгновенно сунула пустую чашку в руке прямо под кисть. Жирная капля чернил упала прямо в чашку.

Се Юнь: «...»

Чжоу Фэй знала, что чем больше она говорит, тем больше обид может вызвать, поэтому просто одарила его примирительной улыбкой. Хотя большую часть времени на ее лице было отчужденное выражение, в конце концов, она все еще была молодой и красивой девушкой. Когда она иногда вот так смягчалась, то на самом деле выглядела довольно обаятельно, из-за чего на нее трудно было злиться.

- Что ты ешь? - спросила Чжоу Фэй.

Се Юнь вздохнул из-за отсутствия у него решимости, выхватил свою кисть обратно, грубо ответив ей: «Воля труса».

Увидев, что он, наконец, заговорил с ней, она быстро воспользовалась этой прекрасной возможностью и сказала: «Брат Се, я была неправа».

Се Юнь бросил на нее взгляд.

Чжоу Фэй глубоко вздохнула, чтобы успокоиться - в их юные годы, всякий раз, когда Ли Шэн проигрывал во время их тренировочных боёв, он просто возвращался в свою комнату и плакал, и на следующий день был в полном порядке. Он никогда не нуждался в таком умиротворении! На ее лице снова появилось раздражение. Наконец, немного пораскинув мозгами, она, запинаясь, пробормотала: «Когда... когда мы были в горах Хэн, я оговорилась. На самом деле я не думала о тебе так».

Однако ее действия были абсолютно правильными.

Се Юнь отложил кисть в сторону и вздохнул: «Твоя неискренность ослепительно очевидна».

Чего еще он хотел от нее?

Тот темперамент, который сломала Снежная Сабля в Чжоу Фэй, внезапно проявил признаки того, что вновь пробуждается.

К счастью для Се Юня, он не стал испытывать судьбу. Посмотрев на нее некоторое время, он

поджал губы и сказал:

- Юная барышня, ты все-таки приходишь из выдающегося клана и должна поддерживать репутацию – ты не можешь продолжать придирается к таким слабым и честным ученым, как я.

Видя, что Се Юнь снова начинает молотить свою бесстыдную чушь, Чжоу Фэй поняла, что он больше не сердится на нее. Вздохнув с облегчением, она улыбнулась и легонько похлопала себя по щеке:

- Ты прав, я действительно позор для своей семьи. Вот, я дам себе пощечину от твоего имени - что ты пишешь?

- Новую оперу. - Когда Се Юнь сказал это, масляная лампа на столе перед ним замерцала, отчего его глаза, казалось, слабо засияли. - Это история о солдате, который дезертирует из своего взвода.

Чжоу Фэй никогда до конца не понимала привлекательности китайской оперы*. Возможно, она смогла бы примерно понять некоторые ее части, если бы речь произносили ясно, но как только она была озвучена этими преувеличенно высокими тонами, всё это пролетало мимо её ушей. Независимо от того, насколько хорошо были написаны тексты песен, всё это сводилось к куче пронзительно визгливых «ой», «ва», «й-и» и «я», которые когда-то исполнялись на сцене, и она совершенно не представляла, о чем идёт речь.

* традиционная китайская опера - это форма музыкального театра в Китае. Хотя иногда это включает в себя танцы/движения и акробатические трюки, а также некоторую речь, в данном случае Се Юнь просто пишет музыку и тексты песен. Обычно у нее есть какое-то музыкальное сопровождение и характерная высокая (я бы назвала ее визгливой и пронзительной, ха-ха, потому что, как и Чжоу Фэй, я никогда не могла оценить ее) техника вокализации.

История о героических подвигах, по крайней мере, была бы немного более приятной, но вместо этого речь шла о «дезертире». Чжоу Фэй презрительно посмотрела на него, поскребла подошвой обуви по одной из ножек стола и спросила:

- Что можно рассказать о дезертире?

Се Юнь даже не поднял головы, продолжая черкать несколько строк на странице:

- А что можно сказать о героях? Если человек должен был стать героем настолько великим, что он получил всеобщую известность, какая-то его часть уже должна быть в некотором роде бесчеловечной. Все слепо превозносят его до небес, но никто по-настоящему не понимает его - разве это не одинокое существование? И более того, все уже слишком хорошо знакомы с подобными почестями и похвалами, выражения для них не сильно изменились с древних времен. Их уже произносили сотни и тысячи раз, и об этом было бы скучно писать. Для некоторого развлечения после ужина, почему бы вместо этого не рассказать несколько

историй о трусости?

- ...Ты все еще пытаешься донести до меня свою мысль? – протянула Чжоу Фэй.

Се Юнь затрясся от приглушенного смеха, за что получил быстрый пинок от Чжоу Фэй под столом.

- Эй, эй, ты можешь пинать меня сколько хочешь, но не прикасайся к столу, - Се Юнь прикрыл свою грязную кучу черновиков.

Чжоу Фэй вытащила одну из бумаг и, запинаясь, прочитала:

- Ласточки и воробьи* вернулись...

* в китайской поэзии ласточки и воробьи часто используются в качестве метафор для скромных людей, мелкой сошки, в пренебрежительной манере – например, где ласточкам и воробьям понять стремленья лебеда?

Се Юнь вздохнул:

- Эй, это «вернись», твои глаза путают слова?

- Ах, возвращайтесь в свои деревни, к своим стройным девушкам; они утверждают, что питают большие амбиции в своих полюсах, гм, я имею в виду, сердцах, но кто всё ещё думает о старых дворцах прошлого?

Се Юнь быстро выхватил бумагу обратно после жалкой попытки Чжоу Фэй прочитать две строчки. Скомкав ее в комок, он бросил его в свою пустую чашку:

- Помилуй меня, о великая, когда ты читаешь это так, мне просто хочется разорвать бумагу и всё переписать.

Чжоу Фэй не обиделась, так как прекрасно понимала, что у нее никогда не было поэтического таланта. Она спросила:

- Ты хочешь сказать, что этот трусливый дезертир таил в своем сердце большие амбиции?

- До того, как он дезертировал, он думал о себе как о неукротимом герое огромного роста, который мог бы нести весь мир на своей спине. Он, несомненно, вернется в свою деревню с триумфом, одетый в красивую одежду, и женится на девушке, которую он любил, устроив грандиозную свадьбу. Но вскоре он поймёт, что императорскому двору не нужно, чтобы он

носил его на спине, и о нём даже не думали как о человеке. Он был для них просто инструментом, живой приманкой, чтобы заманить их врагов в ловушку, так что, как только он умрет, его миссия будет завершена. Поэтому он сбежал. К сожалению, дорога домой была опасной, и к тому времени, когда он добрался до своей деревни, девушки, которую он любил, там уже не было.

Чжоу Фэй спросила:

- Почему?

Се Юнь повернулся к ней и, посмотрев на нее некоторое время, ухмыльнулся:

- Потому что она была духом водного растения и уже уплыла на проплывающем карпе.

Он сразу же пожалел о сказанном, потому что это казалось слишком очевидным. Но Чжоу Фэй ничего из этого не поняла. Вместо этого на ее лице появилось выражение невинного удивления, и она высказала свою искреннюю оценку этого надуманного сюжетного хода:

- Что за чушь!

Се Юнь не знал, чувствовал ли он разочарование или облегчение. Он внутренне вздохнул, отводя от нее взгляд, и протянул:

- Тогда больше не суй свой нос в это. Поверь мне, это то, что продается. Если мы хотим добраться до 48 крепостей и при этом держаться на территории Южной династии, то нам придется сделать крюк. Это путешествие в несколько сотен миль, и нам потребуется довольно много времени, чтобы добраться туда - у тебя есть хоть малейшее представление о том, как связаться с секретными постами 48 крепостей?

Чжоу Фэй не имела ни малейшего понятия.

Нахмурив брови, Се Юнь продолжил:

- У нас даже нет никаких связей, на которые мы могли бы опереться, чтобы обеспечить себя едой и жильем. Я должен придумать, как заработать достаточно для наших расходов по ходу дела. Всё это здесь не просто бумага и чернила, это наличные деньги. Видишь ли, я знаю всевозможные способы заработать деньги - тебе не мешало бы поучиться у меня. Еда в животе и одежда на теле - вот что действительно важно в жизни. Что толку только в том, чтобы знать, как обращаться с оружием?